

„Резь“, г. С.-Петербург.
1911 г. 10 февраля.

Началь воспоминаний.

(«Альфонс», сборник памяти Вэры Фодоровны Коммиссаржевской).

Черным камнем отмечены будут прошедший тысяча девятьсот десятый год, год смертей и печали.

Только погребальный колокол раздавался в злобной тишине всеобщего уныния; только скорбь соединила насъ всехъ, разединенныхъ и усталыхъ.

И вотъ наступаетъ годъ поминокъ.

Печальной вереницей потянутся дни воспоминаний, когда вновь ранить сердце скорбь объ утраченномъ, объ отошедшемъ отъ насъ.

Но время уже наложитъ свою власть на нашу память, и будутъ эти дни не кошмарными днями невозможнаго отчаянія, когда не въришь, не можешь вѣрить ужасной очевидности, —будутъ эти дни воспоминаний исполнены тихой грустью, и печальными, сладкими тѣнями пронесутся образы такого недавняго, и уже безвозвратно-утраченнаго прошлаго.

Почтой датой въ этомъ скорбномъ списке стоитъ 10-е февраля, день смерти Вэры Фодоровны Коммиссаржевской.

Ужели уже цѣлый годъ отдѣляетъ насъ отъ этихъ дней, когда безпримѣрная скорбь охватила всю Россію? Ужели уже нѣтъ съ нами такой близкой, постоянно волнующей и закипающей своимъ волненіемъ и своимъ горькимъ, царствующей надъ нами властью кроткою и неизмѣнною королевы и мученицы, чей благоуханный вѣнокъ былъ сплетенъ изъ розъ, не очищенныхъ отъ острыхъ шиповъ.

И съ мучительной сладостью хочется вспоминать всѣ мельчайшія подробности этой трепетной жизни. Хотела воскресить этотъ тѣлесный образъ женщины, положившей всю свою жизнь на служеніе прекраснымъ грезамъ и прекрасной борьбѣ за нихъ.

Читаю корректурные листы (любезно мнѣ предоставленные редакціей) сборника «Альфонс», имѣющаго выйти на этихъ дняхъ, и посвященнаго памяти Коммиссаржевской. Люди, близкіе ей, ея сотрудники и друзья, составили подробную лѣтопись жизни и трудовъ Вэры Фодоровны.

Особенно же возмущаютъ тѣ страницы, гдѣ въ простыхъ словахъ о какихъ-нибудь мелочахъ возникаетъ образъ живой и близкій.

Вотъ вспоминаетъ мать:

— 27-го октября 1864 года родилась дочка моя Вэра. Она была такъ миниатюрна, что докторъ Ипполитъ Михайловичъ Тарновскій, который присутствовалъ при родахъ, говорилъ, что первый разъ встрѣчаетъ въ своей практикѣ такъ хорошо сложеннаго ребенка при такой удивительной миниатюрности и прозвалъ ее «куклой». Вэра была подвижной, очень здоровой, и выросла, не подвергаясь никакимъ болѣзнямъ. Ей было три мѣсяца, когда она отличала отца своего отъ другихъ; стоило ему войти, какъ Вэра всестепененно и громко смѣялась, протягивая ему ручонки. Это обожаніе было взаимное, продолжаясь до самой смерти Фодора Петровича.

Затѣмъ длинной вереницей идутъ трогательныя картины дѣтства, печальной юности, и, наконецъ, первый успѣхъ:

«Въ одно прекрасное утро я проснулась подъ шумъ восторженныхъ восклицаній, и Вэра, вся сияющая, влетѣла ко мнѣ въ комнату. «Киселевскій вызываетъ меня въ Москву, гдѣ я должна сыграть въ лѣтнемъ театрѣ, такъ какъ Синельниковъ (антрепренеръ Новочеркасскаго театра) просилъ пригласить ingenue для своей антрепризы. Въ этотъ же день, съ вечернимъ поѣздомъ, Вэра выѣхала изъ Волочка въ Москву на очень скудныхъ средства, въ третьемъ классѣ; мы всѣ страдали безденежьемъ, а потому съ міру по ниткѣ... собрали и вручили ей на поѣздку. По приѣздѣ въ Москву, Вэра оставилась въ пустой квартирѣ Варвары Ильиничны Гучковой, съ которой была очень дружна (Варвара Ильинична была на дачѣ, о приѣздѣ Вэры въ Москву и о ея планажъ понятія не имѣла). Черезъ четыре дня послѣ отъѣзда Вэры я получила отъ нея письмо съ подробнымъ описаніемъ ея встрѣчи съ Киселевскимъ и пріобрѣтеніи въ Москвѣ. Оно до того было извѣрно написано, полно жгучими надеждами, восторгомъ, стремленіемъ къ дѣлу и энергіей, что я его сохранила, какъ святыню. Когда минуло пятнадцать лѣтъ ея театральнаго дѣятельности, я поднесла ей его въ маленькомъ портфельѣ съ обозначеніемъ годовъ. Послѣ же ея смерти я просила вернуть мнѣ это письмо, но мнѣ отвѣтили, что его нигдѣ нѣтъ, что нашелся портфель пустой. Если бы существовало это письмо, я могла бы цѣлкомъ приложить его къ моимъ воспоминаніямъ, теперь же постараюсь передать, хотя приблизительно, содержаніе его. По приѣздѣ въ квартиру Варвары Ильиничны, Вэра попросила прислугу поставить самоваръ, дала ей денегъ на 1/2 чаю, 1/2 ф. сахару и булку, а сама поспѣшила пойти въ Государственный банкъ, гдѣ служилъ сынъ Ив. П. Киселевскаго, у котораго она могла узнать мѣсто жительства его отца. Оказалось, что онъ жилъ въ гостиницѣ близъ театра (названія не помню), и когда Вэра пришла, то онъ еще спалъ. Ее просили подождать его пробужденія въ библиотекѣ; прошло не много часа, пока ей сказали, что Ивану Платоновичу доложили о ней и что онъ скоро выйдетъ. Между тѣмъ Вэра почувствовала, что голодна, но страхъ встрѣчи, разговора съ Киселевскимъ и рѣшеніе ея судьбы боролись съ голодомъ. Послѣ переговоровъ Киселевскій рѣшилъ, что черезъ день Вэра надо съѣзжать на сценѣ лѣтняго театра (кажется въ Кусовѣ), въ «Денежныхъ Тузахъ» роль подруги Райчки; расказалъ, какой нуженъ туалетъ, предложилъ ей кофе или чай, но она, несмотря на голодъ, отказалась, говоря, что только что пила. Киселевскій рѣшилъ захватить къ Вэрѣ къ 4-мъ часамъ, чтобы ѣхать съ ней въ Кусово обѣдать, и рѣшилъ на счетъ репетиціи. По возвращеніи къ Гучковымъ, Вэра застала мать Варвары Ильиничны, —Константина Ив. Гучкова, который тотчасъ же далъ знать жемъ о приѣздѣ Вэры. Варя (будемъ ее звать такъ, какъ ее звали въ семьѣ нашей) тотчасъ же пришла Вэрѣ на помощь, купила все, что ей нужно, и отдала шить, такъ что, благодаря ей, у Вэры все было готово къ спектаклю, и она могла спокойно заняться ролью. Киселевскій, который видѣлъ Вэру въ Москвѣ, когда она играла въ литературномъ обществѣ съ Станиславскимъ (тогда же любителемъ) Бетси въ «Плодахъ произвѣшенія» и въ «Горькихъ пьесахъ», пожелалъ показать ее публикѣ въ болѣе ответственной роли, и далъ ей сыграть еще разъ

въ тѣхъ же «Денежныхъ тузахъ», но уже роль Райчки, на которой держится вся пьеса. На этотъ спектакль съѣхались нѣкоторые рецензенты, издатели газетъ, и въ числѣ ихъ покойный Куманинъ, издатель «Театрала». Послѣ перваго акта уборная Вэры наполнилась этимъ народомъ, подражывавшимъ ее съ успѣхомъ. Куманинъ спросилъ: «Хотите, Вэра Фодорвна, я вамъ устрою сейчасъ контрактъ?» —«Напрасно побеспокойтесь, потому что ея контрактъ уже у меня въ кармазѣ; она приглашена къ Новочеркасску Синельниковымъ», —отвѣчалъ Киселевскій, —«и у меня какъ камень съ души свалился», —писала Вэра въ этомъ письмѣ».

«30-го августа 1893 года былъ первый выходъ Вэры на сценѣ Новочеркасскаго театра. Въ этотъ день было открытіе сезона, давали «Честъ» Зудермана и довели Вэру роль «Альмы». Страху и волненія было, конечно, безъ конца. Вторая ея роль была въ «Волшебномъ вальсѣ» Шмитгофа — роль Вэрочки — съ пѣніемъ, которымъ она вызвала цѣлую бурю восторга; послѣднюю сцену просили повторить и вызывали ее, Синельникова и Шмитгофа безъ конца. Это ее страшно приободрило, и она еще больше отдалась своему дѣлу. Описывать все, что приходилось играть, не стану, скажу только, что тѣмъ дальше, тѣмъ больше она приобри- тала симпатіи публики; ея товарищи по искусству не завидовали ей, а радовались ея успѣху, тѣмъ болѣе, что она одинаково относилась, какъ къ премьерамъ, такъ и къ самымъ маленькимъ артистамъ, а это не пришло въ голову премьершѣ, постоянныя интриги которой, направленные противъ Вэры, могли бы принести ей много горя, если бы не Киселевскій, который, при каждой несправедливости, тотчасъ же выводилъ все на чистую воду.

На Рождествѣ Вэра участвовала два раза въ дѣлѣ, а между спектаклями днемъ, и послѣ вечерняго спектакля была занята репетиціями. Давали ей все повья для ней роли, и только съ ея памятою она могла справиться съ такой работой. Играла она то ямщика, то горничную, то гимназиста, то мостикку; и вотъ, въ одинъ изъ такихъ спектаклей, никто изъ участвующихъ не зналъ своей роли, кромѣ Вэры; она и тутъ не растерялась, напечатывая имъ всѣхъ ихъ реплики; сцены были живыя, и не вся публика это замѣтила; только по окончаніи пьесы Вэра сказала мнѣ, что подобный спектакль утомительнѣй, чѣмъ сыграть двѣ пьесы сряду, а Киселевскій страшно хохоталъ и говорилъ: «молодцомъ справилась, милая Вэра Фодорвна; если кто сомнѣвался въ вашемъ дарованіи, то послѣ сегодняшняго спектакля преклоняетъ передъ вами колѣно».

Вотъ, вспоминаетъ П. П. Гайдубуровъ «въ время славы, когда Вэра Фодорвна побѣдно вступила въ старѣйшій храмъ русскаго искусства» — въ Александринку.

«Въ домѣ Синельникова, на Ямской, въ третьемъ этажѣ, есть квартира, которую занимала Вэра Фодорвна въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная со втораго года своего пребыванія въ Петербургѣ. Въ маленькой, полутемной передней одна дверь, налѣво, вела въ гостиную, смежную съ кабинетомъ, извѣстнымъ по фотографіи, помѣщенной Ю. Блявнымъ въ его этюдѣ о Вэрѣ Фодорвнѣ. Гостиная, о двухъ окнахъ едва вмѣщала кабинетный столъ, нѣсколь-

ко креселъ со столомъ и диванчикомъ, зеркало и растеніе, похожее на елочку — чей-то подарокъ. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ и гравюръ. Направо изъ передней другая дверь вела въ маленькую, скромно обставленную столовую, съ не по комнатѣ большимъ столомъ.

Въ эту квартиру провожала Вэру Фодорвну, послѣ «Дикарки», молодежь, занявъ мѣста на козлахъ и подпоясавъ ея экипажа; у подъѣзда ждала ловая толпа; шпалерами растянувшись по лѣстницѣ, она бросила подъ ноги артисткѣ живые цвѣты. И также, какъ засыпали ступающую по ступенямъ цвѣтами, засыпали ее въ передней просьбами о карточкахъ. Сколько ихъ нашлось — всѣ были отданы, а большинству все же не хватило. Тогда вынесли двѣ корзины цвѣтовъ, изъ числа поднесенныхъ, и въ одинъ мигъ ле стало ихъ — ни цвѣтовъ, разсыпавшихся по петлицамъ пинелей и кофточекъ, ни корзины, по кусочкамъ разобранныхъ «на память». С. И. Зилоти, тотъ самый, чью треуголку видѣли всѣ на похоровахъ Вэры Фодоровны, мелькавшую въ толпѣ, подлѣ гроба, распоряжался и тогда, въ этой праздничной толпѣ, раздавая карточки, помогая Вэрѣ Фодорвнѣ сдерживать свое волненіе, пока ея нервы, доведенныя этимъ вечеромъ до послѣдняго напряженія, не вызвали истерики.

Въ этой квартирѣ, гдѣ съ утра до вечера — утромъ, днемъ, за обѣдомъ, послѣ театра за ужинкомъ, — смѣялись одинъ другого студенты, курьесетки, актеры, писатели, поэты, критики и музыканты, близкіе друзья и едва знакомые визитеры, чувствовалось лихорадочное бшеніе кипучей жизни. Все внимательнѣе и вдумчивѣе прислушивалась къ ней Вэра Фодорвна. Находя время для всѣхъ и для всего, она все больше отдавалась углубленію своего сознанія. Съ дѣтства любившая книги, она отъ безпорядочнаго и случайнаго чтенія ихъ все настойчивѣе переходила къ систематической работѣ надъ собой. Векорѣ въ этомъ пришелъ ей на помощь извѣстный А. Л. Вольскій, блестящій и разносторонній умъ котораго Вэра Фодорвна тогда высоко цѣнила.

Иногда въ этой уютной квартирѣ, овѣянной милымъ пріятнымъ тепломъ провинціи, можно было застать всѣхъ трехъ сестеръ вмѣстѣ, и тогда казалось, что три вѣщія птицы — Гамлетъ, Сиринъ и Алконостъ, птицы печали, слетались на мгновеніе, чтобы повѣдать другъ-другу какія-то свои тайны и разлѣгъсь вновь надолго и далеко другъ отъ друга.

Иногда за стѣною гостиной слышались два грудныхъ голоса, сплетавшихся горячими звуками цыганской пѣсни съ тихими аккордами робкой гитары. Это Вэра Фодорвна съ Ольгой, сестрой своей, вслухъ мечтали о чемъ-то. Гдѣ-нибудь, въ тихомъ углу, слушала ихъ сѣдѣющая мать, вспоминая пѣвца петербургскаго густѣ загоралась въ душѣ остановившагося на порогѣ этихъ комнатъ, случайнаго петербургскаго гостя, и было почему-то жалъ эти два голоса, пробуждавшихъ желаніе любить, — самоотверженно, вѣчно и свято.

Въ случайныхъ, бѣглыхъ словахъ воспоминаній хочется увидѣть ее, удивить неуловимое, разгадать тайное. Вотъ она, всегда трепетная, дѣтски-веселая встаетъ въ воспоминаніяхъ г-на Пятаева.

«Передъ отъѣздомъ въ Москву, послѣдней

осенью, Вэра Фодорвнѣ подарили большое, чудное изданіе Пушкина съ иллюстраціями. Вернулась домой Вэра Фодорвна поздно, усталая и прогоняетъ насъ:

— Уходите, уходите... отдыхать, отдышать!

Уходимъ. Уже на лѣстницѣ. Вдругъ зовутъ. Возвращаемся.

— Вы не видѣли, какое изданіе Пушкина мнѣ подарили? Я тоже не успѣла хорошо посмотреть.

И долго мы стояли надъ толстыми книгами и разсматривали картинки, перечитывали отрывки стиховъ. Вэра Фодорвна была въ восторгѣ и не прогоняла насъ больше и не позволяла, даже сердилась, когда торопились, не достаточно внимательно разсматривали иллюстраціи.

— Уложите.

— Какъ, Вэра Фодорвна, вы будете возить съ собой эти толстыя книги?

Вэра Фодорвна даже удивилась.

— Конечно.

Вэра Фодорвна посмотрѣла еще разъ на книги:

— Непремѣнно уложите сегодня же — сегодня.

Въ Парижѣ, въ послѣдній день передъ отъѣздомъ, вдругъ Вэра Фодорвна вспомнила, что забыла купить полное собраніе Бодлера.

— Забыли!

Рано начинался день въ Парижѣ. И такъ мало времени. Столько надо, столько надо! И къ тому же пропала записная книга, въ которой все было записано, и пришлось руковоствоваться черновикомъ, пробрѣсть все, что записано на кусочкахъ бумаги, догадываться по отдѣльнымъ словамъ. И сколько времени, чтобы разобрать и понять, что записано, ничего не забыть, потому что все нужно, самое нужное. Вэра Фодорвна всегда записывала все, что надо было сдѣлать, купить, куда пойти; что вспомнить — сейчасъ же записать; и ночью записная книга была около.

— Вдругъ проснусь, вспомню — сейчасъ же и запишу.

Какъ только успѣвали! Когда видѣли, что дѣйствительно невозможно успѣть, разлѣзались въ разные стороны, каждый съ своимъ спискомъ.

На Avenue de l'Opera Вэра Фодорвна заходила въ магазины по одной сторонѣ улицы, я по другой. И съ какой быстротой, скорѣе французовъ. И довольна была Вэра Фодорвна, что такъ все хорошо успѣваемъ! Въ магазинѣ Louvre насъ просто попросили уйти: магазинъ запирали, громадными холстами покрывали прилавки, все укладывали, а Вэра Фодорвна отдергивала холсты и все выбирала, — «нужное, самое нужное». Мы вышли изъ Louvre послѣдние. За нами несли громадную корзину покупокъ. И довольна была Вэра Фодорвна.

— Мы послѣдніе. Все успѣли, все успѣли!

Вдемъ на автомобиль, подъѣзжаемъ къ гостиницѣ, уже семь часовъ; дома ждутъ, должны придти по дѣламъ; надо успѣть пообѣдать, а въ 8 часовъ надо въ театръ. Опоздаемъ, достанемъ ли мѣста? Все рѣшили, распредѣлили; на обѣдъ времени не осталось, но это все-равно.

Подъѣзжаемъ къ гостиницѣ.

— А Бодлеръ... Забыли! Поѣжайте, поѣжайте скорѣе! Бодлера надо достать обязательно, обязательно!

Магазины уже запирали, но все же я Бодлера достала.

— Бодлеръ есть, Вэра Фодорвна.

— Вотъ хорошо, вотъ хорошо. Все, все успѣли!

Вечеромъ были въ Luna Park. Это новость въ Парижѣ — а мѣриканская играшка.

Около Bois de Boulogne — Foire, ярмарка. Русскія горки, карусели, лодка съ высокой горы летитъ въ волны бушующаго моря въ нѣсколько квадратныхъ десятковъ метровъ — машины бурно устраиваютъ прекрасно. Есть качели «морская болѣзнь», а мостикъ «кек-уокъ». Идете по мостику, а мостикъ въ тактъ музыки танцуетъ «кек-уокъ» — и трудно идти, и все невольно танцуетъ веселый танецъ. Мостикъ за тебя танцуетъ, а выходитъ, что ты. Трудно удержаться на мостикѣ «кек-уокъ» — и такіе смѣшныя всѣ танцоры: входятъ испуганные, лица блѣдныя и непремѣнно глупыя — смѣшныя! Интересно!

Вэра Фодорвна не пропускала ни одного «удовольствія». Носились мы по горкамъ, чтобы только попасть въ число счастливыхъ, добравшихся до вагонетки, стояли въ очереди по полчаса, слетали на лодкѣ въ воду и, не теряя времени, сейчасъ же бѣжали къ другимъ игрушкамъ.

— Такъ весело! И никто тебя не знает! Весело!

Долго прельщала Вэру Фодорвну «кек-уокъ».

— Пойти или нѣтъ? Глупое лицо будетъ и всѣ будутъ смѣяться... А интересно! Вэра Фодорвна пошла на мостикъ. Плавно покачиваясь, прошла Вэра Фодорвна, улыбаясь, только немного поблѣднѣла.

— «Вэра Фодорвна идетъ по мостику «кек-уокъ»!.. Вэра Фодорвна!»

Чудныя, веселыя игрушки, такія смѣшныя, — Вэра Фодорвна все въ нихъ. Такъ весело, когда замираетъ духъ на русской горкѣ, и такъ забавно кричатъ пассажиры, — а Вэра Фодорвна смѣется. Я сидѣла рядомъ и громко кричала, — а Вэра Фодорвна была довольна и смѣялась...

Обидно было очень: на «морскую болѣзнь» опоздали. Уже 12 часовъ, и все закрывается. Печально смотрѣла Вэра Фодорвна на неподвижную лодочку-качель.

— «Не успѣли. Конецъ. Все уходитъ, и намъ надо уходить. Завтра — въ Петербургъ. И въ синематографъ не успѣли. Ничего, въ синематографъ пойдемъ въ Берлинъ; мы будемъ тамъ цѣлый вечеръ, успѣемъ!»

И правда, въ Берлинѣ, отъ поѣзда до поѣзда успѣли побывать въ трехъ синематографахъ и въ двухъ паноптикумахъ. Было весело, но не такъ, какъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ веселѣе!

— А у меня было глупое лицо, когда я шла по мостику въ «кек-уокъ»?

— Нѣтъ.

— Я знала, а то бы не пошла. Весело было въ Парижѣ, такъ хорошо, много, много игрушекъ, — а завтра Петербургъ, театръ, дѣла, школа и Юдѣя».

И вотъ уже послѣднія страницы воспоминаній. Подходить къ концу книга яркой и героической жизни. Вэра Фодорвна изгнанница, но еще борется, еще не погасла прекрасная звѣзда ея мечты.

Вотъ первая сценка въ фойѣ «театра Коммиссаржевской» — бывшаго. И Вэра Фодорвна здѣсь... и страшно, что «бывшаго». Почему? Зачѣмъ? Вэра Фодорвна, полная

силы, работаетъ. Вэра Фодорвна такая радостная... по тяжело...

— Пойдемте, я покажу вамъ мой театръ въѣдь вы не видѣли?

— Нѣтъ.

Идемъ по темнымъ корридорамъ театра. Я не вижу ничего, ведетъ Вэра Фодорвна. Вошли въ ложу. Темно, едва освѣщенъ утреннимъ свѣтомъ залъ. Долго стоимъ — молчимъ. Вэра Фодорвна говоритъ тихо:

— Мой бывший театръ... Посмотрите — хорошо? Это я такъ устроила; онъ былъ другой, совсѣмъ другой.

Идемъ дальше. Вотъ костюмы шьютъ для «Юдифи». Новый хозяинъ театра позволилъ работать здѣсь, разрѣшилъ репетировать Коммиссаржевской въ фойѣ, а на сценѣ идутъ репетиціи новыхъ артистовъ новаго театра, а Вэра Фодорвна въ фойѣ. Да, вотъ костюмы — «красивые, чудные костюмы... красивые, — а Петербургъ не увидитъ!»

Идемъ дальше. Лѣстницы... корридоры... Поднялись высоко, высоко, на колосники... идемъ по мосткамъ...

— Тише, тише, чтобы не услышали. Посмотримъ, послушаемъ, что они тамъ репетируютъ.

Съ высокихъ колосниковъ смотритъ Вэра Фодорвна внизъ на новыхъ артистовъ... какъ тамъ они репетируютъ.

Долго молчали, а потомъ тихо пошли обратно.

Радостная, сильная была Вэра Фодорвна — по сколько тяжелого... какъ грустно...

Петербургъ... — Вэра Фодорвна отдала ему лучшее жизни. Вотъ этому самому театру отдала тѣ годы, когда не увлеченіе юности отдала душу, а глубокая, опредѣленная вѣра — вѣра художника.

Театръ — душа артиста. И былъ этотъ театръ душою Коммиссаржевской, а теперь здѣсь — чужіе...

— Нѣтъ, они не чужіе... я, я чужая. И преклоняешься передъ силою духа великой Вэры Фодоровны: — Всѣхъ озарила, всѣхъ приобщала къ прекрасному своей души.

Сценка Ю д и ф и.

Прочли первую картину. Юдифи нѣтъ въ первой. Вторая, — начинается Юдифь. Тихо, едва слышно читаетъ Вэра Фодорвна. Я ловлю каждый звукъ, и встаетъ передъ мною вся Юдифь. Одинъ взглядъ, одно слово Вэры Фодоровны — и чувствую я, что будетъ тамъ, на сценѣ, когда встанетъ передъ толпою Юдифь — Вэра Фодорвна».

Какъ тѣни на блѣлой стѣнѣ, проносятся образы, оживленные печалью и любовью. Оживаютъ объясненіе поблѣдъ и успѣхъ; радость борьбы; боль поражений и страшная мучительная гибель!

Тихая грусть воспоминаній овладѣваетъ и хочется повторить молитвенно торжественныя слова Ф. Сологуба:

— А мы склоняемся у ея могилы, и не стыдимся по-дѣтски плакать о ней, объ ея высокой мечтѣ, объ ея несказанной печали, о безнадежномъ подвигѣ ея жизни. И говоримъ:

— Наслѣдники твоей мечты, преемники твоей печали, утѣшимъ, утѣшимъ твою свѣтлую тѣнь, — и, то, что было твоимъ подвигомъ, сдѣлаемъ дѣломъ своей жизни.

Сергій Ауслендеръ.